

имеют однофонемной значимости, воспринимает их как реализацию группы фонем. Равным образом естественно и то, что русские и чехи воспринимают долгие гласные английского языка, рассматриваемые англичанами в качестве простых фонем, как дифтонги, то есть как сочетание двух гласных фонем: ведь эти гласные фактически являются «скользящими дифтонгами». Однако очень часто многофонемная интерпретация чужого звука покоится на заблуждении: различные артикуляторные признаки, в действительности сосуществующие одновременно, воспринимаются как следующие друг за другом. Болгары воспринимают немецкие *ü* как *ju* (*juber* = *über*), потому что переднее положение языка и округление губ, проявляющиеся в немецком языке одновременно, они представляют себе как отдельные моменты. Украинцы, которым чужд звук *f*, передают чужое *f* через *хв* (*Хвилип* = *Филипп*), воспринимая таким образом синхронные признаки *f* (глухой шум трения и лабиодентальная локализация) как два следующие друг за другом момента. Чешское *ř*, которое, безусловно, является одним звуком, воспринимается многими иностранцами как сочетание звуков *гз*: в действительности *ř* представляет собой просто-напросто *г* с незначительной амплитудой колебания кончика языка, что на слух создает впечатление ж-образного трения между ударами *г*. <...> Подобного рода примеры можно легко умножить. Психологически они объясняются тем, что фонемы символизируются не звуками, а определенными существенными звуковыми признаками, а также тем, что сочетание звуковых признаков трактуется как группа фонем; но поскольку две фонемы никогда не могут выступать синхронно, то их и воспринимают как последовательный ряд фонем.

При изучении чужого языка нужно преодолевать все эти трудности. Недостаточно приучить органы речи к новой артикуляции, необходимо, кроме того, приучить фонологическое сознание правильно оценивать эти новые артикуляции как однофонемные или многофонемные.

III. Л о г и ч е с к а я к л а с с и ф и к а ц и я с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н ы х о п п о з и ц и й

1. Содержание фонемы и система фонем

При условии точного применения всех приведенных выше правил можно установить полный состав всех фонем данного языка. Теперь нам необходимо определить фонологическое содержание каждой отдельной фонемы. Под фонологическим содержанием

фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке. Немецкое *k* нельзя определять как «велярный», поскольку этот признак присущ только части его вариантов; например, перед *i* и *ü* немецкое *k* реализуется как палатальный согласный. С другой стороны, неточным будет и определение немецкого *k* как «дорсального», поскольку «дорсальными» являются также *g* и *ch*. Фонологическое содержание немецкого *k* можно сформулировать только так: «напряженный, неназализованный, дорсальный смычный». Иными словами, для немецкого фонологически существенны только следующие признаки: 1) образование полной смычки (в отличие от *ch*), 2) выключение полости носа (в отличие от *ŋ*), 3) напряжение мускулатуры языка при одновременном расслаблении мускулатуры гортани (в отличие от *g*), 4) участие спинки языка (в отличие от *t* и *p*). Первый из этих четырех признаков объединяет *k* с *t*, *p*, *tz*, *pf*, *d*, *b*, *g*, *m*, *n*, *ŋ*, второй — с *g*, *t*, *d*, *p*, *b*, третий — с *p*, *t*, *ss*, *f*, четвертый — с *g*, *ch*, *ŋ*, и только совокупность всех четырех признаков присуща одному *k*. Отсюда видно, что определение фонологического содержания фонемы предполагает включение ее в систему фонологических оппозиций, существующих в данном языке. Определение содержания фонемы зависит от того, какое место занимает та или иная фонема в данной системе фонем, то есть в конечном счете от того, какие другие фонемы ей противопоставлены. Из этого следует, что иной раз фонема может получить чисто отрицательное определение. Если мы примем во внимание, например, все факультативные и комбинаторные варианты немецкого *r*, то должны будем определить эту фонему только как «нелатеральный плавный», что является чисто отрицательным определением, ибо сам «плавный» является «неносовым сонорным», а «сонорный» — «нешумным».

2. Классификация оппозиций

А. Классификация оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом: многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные оппозиции; основанная на этом структура системы фонем

Фонемный состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических оппозиций. Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фоне-

мам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру. Чтобы понять эту структуру, необходимо исследовать различные типы фонологических оппозиций.

Прежде всего необходимо ввести ряд понятий, имеющих решающее значение не только для фонологической, но и для любой другой системы оппозиций.

Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу. В таких системах противоположений, как фонологическая система, следует различать два типа оппозиций: **одномерные** и **многомерные**. В **одномерных** оппозициях основание для сравнения, то есть совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы. В противоположность этому в **многомерных** оппозициях совокупность общих признаков (основание для сравнения) не ограничивается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы. Различие между одномерными и многомерными оппозициями может быть проиллюстрировано на примере латинского алфавита. Противоположение букв **E** и **F** в нем одномерно, поскольку совокупность черт, общих этим двум буквам (вертикальный стержень и два горизонтальных направленных вправо штриха, один из которых укреплен на верхнем конце стержня, а другой — посередине его), не повторяется ни в одной другой букве латинского алфавита. Напротив, противоположение букв **P** и **R** является многомерным, так как совокупность черт, общих двум буквам (направленная вправо петелька в верхнем конце вертикального стержня), помимо этих двух букв имеется еще в букве **B**.

Различение одномерных и многомерных оппозиций имеет исключительное значение для общей теории оппозиций. Оно может быть обнаружено в любой оппозитивной системе, в том числе, естественно, и в фонологических системах (в составе фонем). Так, например, в немецком языке оппозиция *t—d* одномерна, поскольку *t* и *d* являются единственными дентальными смычными в фоноло-

гической системе немецкого языка. Наоборот, оппозиция $d-b$ в том же немецком языке многомерна, поскольку то общее, что обнаруживается у этих фонем, а именно образование слабой смычки, повторяется и в другой фонеме немецкого языка, а именно в g . Таким образом, какую бы фонологическую оппозицию мы ни взяли, всегда можно точно и определенно сказать, является ли она одномерной или многомерной. Само собой разумеется, что при этом следует учитывать только фонологически существенные признаки. Однако дополнительно могут быть приняты во внимание и отдельные фонологически несущественные признаки, если благодаря им члены данной оппозиции противопоставлены другим фонемам той же системы. Так, оппозицию $d-n$ (например, во французском) можно рассматривать как одномерную, поскольку члены ее являются единственными звонкими дентальными смычными (хотя ни звонкость, ни образование смычки не существенны для n , поскольку глухое и соответственно фрикативное n как особые фонемы в данной системе отсутствуют). <...>

Многомерные оппозиции можно разделить на гомогенные (однородные) и гетерогенные (неоднородные). Однородными называются такие многомерные оппозиции, члены которых могут быть представлены в качестве крайних точек «цепочек» (выражение заимствовано нами у Н. Дурново) из одномерных оппозиций. Так, например, оппозиция $u-e$ в немецком языке многомерна: общим для обеих фонем является лишь то, что они гласные; но этот признак не ограничивается только названными двумя фонемами, он присущ еще целому ряду фонем немецкого языка (точнее — всем гласным). Однако члены данной оппозиции u и e можно представить как крайние точки «цепочки» $u-o, o-ö, ö-e$, которая состоит из одномерных оппозиций: в системе гласных немецкого языка u и o являются единственными лабиализованными гласными заднего ряда, o и $ö$ — единственными лабиализованными гласными среднего подъема, $ö$ и e — единственными гласными переднего ряда среднего подъема. Следовательно, оппозиция $u-e$ является однородной. Однородной является также многомерная оппозиция $x-ŋ$ ($ch-ng$) в системе согласных немецкого языка: ее можно вытянуть в цепочку одномерных оппозиций $x-k, k-g, g-ŋ$. В противоположность этому многомерная оппозиция $p-t$ является неоднородной, так как в промежутке между p и t нельзя представить себе ни одного члена, который составлял бы с этими фонемами одномерную оппозицию. Совершенно очевидно, что в совокупной фонологической системе любого языка неоднородные многомерные оппозиции должны быть многочисленнее однородных. Однако для определения фонологического содержания фонемы, а следователь-

но, и для общей структуры фонологической системы однородные оппозиции очень важны.

Можно выделить далее два типа однородных многомерных оппозиций: **прямолинейные** и **непрямолинейные**, в зависимости от того, какую цепную связь можно установить между членами оппозиции: с помощью ли одной «цепочки» одномерных оппозиций или с помощью ряда «цепочек». Так, в приведенных выше примерах оппозиция *x—ŋ* прямолинейная, поскольку в рамках немецкой фонологической системы мыслима только одна «цепочка» *x—k—g—ŋ*. В отличие от этого оппозиция *u—e* является непрямолинейной, поскольку «путь», ведущий от *u* к *e* в рамках немецкой фонологической системы можно представить в виде ряда «цепочек» из одномерных оппозиций (*u—o—ö—e*, или *u—ü—ö—e*, или *u—ü—i—e*, или *u—o—a—ä—e*).

Наряду с различием одномерных и многомерных оппозиций не менее существенно и различие **пропорциональных** и **изолированных** оппозиций. Оппозиция называется пропорциональной, если отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции (или ряда других оппозиций) в рамках той же самой фонологической системы. Так, например, оппозиция *p—b* в немецком языке пропорциональна, поскольку отношение между *p* и *b* является тождественным отношению между *t* и *d* или между *k* и *g*. Наоборот, оппозиция *p—š* является изолированной, поскольку в немецкой фонологической системе нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких же отношениях, как *p* и *š*. Различие между пропорциональными и изолированными оппозициями может иметь место как в одномерных, так и в многомерных оппозициях: так, например, в немецком языке оппозиция а) *p—b* — одномерная и пропорциональная, б) *r—l* — одномерная и изолированная, в) *p—t* — многомерная и пропорциональная (ср. *b—d*, *m—n*), г) *p—š* — многомерная и изолированная. <...>

Благодаря различным типам оппозиций достигается внутренняя упорядоченность или структурность фонемного состава как системы фонологических оппозиций. Все пропорциональные оппозиции с одинаковыми отношениями между их членами можно объединить в уравнения («пропорции», откуда и само название «пропорциональный»); например, *b—d = p—t = m—n* или *u—o = ü—ö = i—e* и т.д. в немецкой системе согласных и гласных. С другой стороны, мы уже упоминали о таких «цепочках» одномерных оппозиций, которые можно вставить между членами однородной (в частности, прямолинейной однородной) многомерной оппозиции.

зиции; например, $ch-k-g-\eta$ или $u-\ddot{u}-i$ и т.д. в немецком языке. Если одна из оппозиций в такой «цепочке» оказывается пропорциональной, «цепочка» перекрещивается с «пропорцией». Если какая-либо фонема участвует одновременно в ряде пропорциональных оппозиций, то перекрещивается ряд пропорций. В результате фонологическая система может быть представлена в виде пересекающихся друг друга параллельных рядов. В немецкой системе согласных пропорции $b-d = p-t = m-n$, $b-p = d-t$ и $b-m = d-n$ образуют пересечение, которое можно изобразить в виде двух параллельных «цепочек» $p-b-m$ и $t-d-n$. Пропорции $p-b = t-d = k-g$ и $b-m = d-n = g-\eta$ дают начало параллелизму «цепочек» $p-b-m$, $t-d-n$ с $k-g-\eta$. Последняя «цепочка», однако, может быть дополнена еще одним членом и принимает в этом случае вид $ch-k-g-\eta$. Далее, отношение $ch-k$ (щель — смычка), по существу, тождественно отношениям $f-pf$, $ss-tz$, которые, со своей стороны, являются лишь частью параллельных цепей $w-f-pf$ (фонол. $v-f-p$) и $s-ss-tz$ (фонол. $z-s-c$). Наконец, ss является также членом одномерной изолированной оппозиции $ss-sch$ (фонол. $s-\ddot{s}$). В результате мы имеем следующую картину:

			v	z	
		x	f	s	š
p	t	k	p̃	c	
b	d	g			
m	n	η			

Эта схема охватывает 17 фонем, то есть 85% всех согласных немецкого языка. Вне схемы остаются, с одной стороны, r и l , составляющие как единственные плавные немецкого языка изолированную одномерную оппозицию, и, с другой стороны, фонема h , образующая по отношению ко всем прочим согласным многомерную изолированную оппозицию. <...>

Порядок, который достигается расчленением фонем на параллельные ряды, существует не только на бумаге и не является делом одной лишь графики. Напротив, он соответствует фонологической реальности. Благодаря тому, что определенное отношение между двумя фонемами реализуется в ряде пропорциональных оппозиций, оно приобретает способность мыслиться и квалифицироваться фонологически даже независимо от отдельных фонем. Это приводит к тому, что определенные признаки той или иной фонемы распознаются особенно ясно, а фонема легко разлагается на свои фонологические признаки. <...>

**Б. Классификация оппозиций по отношению
между членами оппозиции: привативные,
ступенчатые (градуальные) и равнозначные
(эквиполентные) оппозиции**

Структура системы фонем зависит от распределения одномерных, многомерных, пропорциональных и изолированных оппозиций. Именно поэтому и имеет такое большое значение классификация оппозиций по четырем классам. Принципы классификации при этом связаны с системой фонем в целом: одномерность или многомерность оппозиции зависит от того, свойственно ли то, что является общим у членов данной оппозиции, лишь этим членам или же оно присуще и другим членам той же системы; пропорциональный или изолированный характер оппозиции зависит от того, повторяется или нет то же отношение и в других оппозициях той же системы. Но фонологические оппозиции могут быть подразделены на типы и безотносительно к системе фонем в целом; в этом случае в качестве основания для классификации выступают чисто логические отношения между членами оппозиции. Такая классификация не имеет значения для чисто внешней структуры фонемного состава; однако она приобретает большое значение, как только мы переходим к рассмотрению функционирования системы фонем.

Принимая во внимание отношения, существующие между членами оппозиций, последние можно подразделить на три типа:

а) Привативными называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака, например «звонкий — незвонкий», «назализованный — неназализованный», «лабиализованный — нелабиализованный» и т.д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется «маркированным», а член оппозиции, у которого признак отсутствует, — «немаркированным». Этот тип оппозиций исключительно важен для фонологии.

б) Градуальными (ступенчатыми) называются оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака; например, оппозиция между двумя различными степенями раствора у гласных (ср. нем. *u—o*, *ü—ö*, *i—e*) или между различными степенями высоты тона. Член оппозиции, которому присуще наличие крайней (минимальной или максимальной) степени данного признака, называется **крайним** или **внешним**; прочие члены являются **средними**. Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные.

в) Эквиполентными (равнозначными) называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не яв-

ляются ни двумя ступенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, немецкие $p-t$, $f-k$ и т.д. Эквивалентные оппозиции — самые частые оппозиции в любом языке.

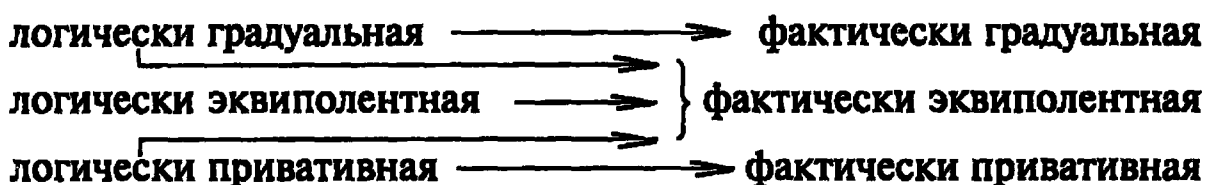
Любая оппозиция, взятая изолированно, то есть в отрыве от контекста фонологической системы и в отрыве от функционирования этой системы, является одновременно и эквивалентной и градуальной. Рассмотрим, например, противоположение звонких и глухих. Инструментальная фонетика учит, что согласные весьма редко бывают абсолютно звонкими или абсолютно глухими: в большинстве случаев мы имеем дело лишь с различными степенями участия голоса. Звонкость связана с расслаблением мускулатуры в полости рта, глухость, наоборот, сопряжена с напряжением мускулатуры. Отношение между d и t (например, в русском и во французском) с чисто фонетической точки зрения является, таким образом, многозначным. Чтобы определить такое отношение как привативное, нужно, во-первых, обратить внимание лишь на один-единственный дифференциальный признак (например, на участие голоса или на напряжение мускулатуры языка) и отвлечься от всех остальных и, во-вторых, малые степени данного качества считать «равными нулю». Подобным же образом привативным будет и отношение между u и o , если рассматривать эти два гласных как две самые крайние степени раствора или сужения, а одну из этих степеней определять как «нулевую»: тогда либо u будет «неоткрытым», а o — «открытым», либо, наоборот, u будет «закрытым», а o — «незакрытым» гласным заднего (лабиализованного) ряда. Но то же отношение превращается в градуальное, если только в системе гласных данного языка есть еще один гласный, более открытый, нежели o : тогда u окажется крайним, а o — средним членом градуальной оппозиции.

Следовательно, определение той или иной фонологической оппозиции как эквивалентной, градуальной или привативной зависит от избранной нами точки зрения. Не следует, однако, думать, что такое определение является чисто субъективным и произвольным. Сама структура и функционирование фонологической системы определяют в большинстве случаев совершенно однозначную и объективную квалификацию любой оппозиции. В том языке, где помимо u и o имеются еще и другие гласные заднего ряда (или же задние и лабиализованные), степень подъема которых меньше, нежели у o (например, ε или a), оппозиция $u-o$, безусловно, должна быть определена как градуальная. В противоположность этому в языках, где u и o являются единственными гласными заднего ряда, нет никаких оснований определять оппозицию

и—о как градуальную. Оппозицию *t—d*, приведенную выше в качестве одного из примеров, следовало бы определить как градуальную только в том случае, если бы в данной системе фонем был еще третий «дентальный» смычный, глухость которого (и сопровождающая ее напряженность мускулов языка) была бы большей и более явственной, нежели у *t* (или, наоборот, меньшей, нежели у *d*). Там, где это условие отсутствует, нет никаких оснований для определения оппозиции *t—d* как градуальной. Если функционирование системы фонем указывает на то, что *t* является немаркированным членом оппозиции *t—d*, то оппозицию следует определить как привативную; напряжение мускулов языка в этом случае нужно рассматривать как несущественный побочный признак, а степень участия голоса у *t* — как «нулевую»; следовательно, *t* надо считать «глухим», а *d* — «звонким». Но если по условиям функционирования системы фонем немаркированным членом окажется *d*, а не *t*, то несущественным будет участие голоса, а напряжение мускулов языка превратится в дифференциальный признак оппозиции; следовательно, *t* надо будет считать «напряженным», а *d* — «ненапряженным». Если, наконец, по условиям функционирования системы фонем понятие беспризначности окажется неприменимым ни к *t*, ни к *d*, то оппозицию *d—t* надо будет считать эквиполентной.

Следовательно, включение той или иной конкретной оппозиции в разряд градуальных или привативных зависит отчасти от структуры, отчасти от функционирования системы фонем. Однако, помимо этого, в самой оппозиции должно содержаться нечто такое, что способствует ее определению как градуальной или привативной. Такая оппозиция, как *k—l*, ни при каких обстоятельствах не может быть ни привативной, ни градуальной, поскольку ее члены нельзя себе представить ни как утверждение или отрицание, ни как две различные ступени одного и того же признака. Но оппозиция *и—о* может мыслиться и как привативная («закрытый» — «незакрытый» или «открытый» — «неоткрытый») и как градуальная. Что же касается того, как ее следует определить фактически (как привативную, градуальную или эквиполентную), то это зависит уже от структуры и функционирования данной фонологической системы. Таким образом, наряду с фактически привативными или градуальными оппозициями можно еще различать потенциально или логически привативные и градуальные оппозиции; равным образом наряду с фактически эквиполентными можно различать логически эквиполентные оппозиции. При этом логически эквиполентные оппозиции являются всегда и фактически эквиполентными, но фактически эквиполентные оппозиции не

всегда логически эквивалентны, иногда они логически привативны или логически градуальны. Схематически это можно представить в следующем виде:

**В. Классификация оппозиций по объему их
смыслоразличительной силы или
действенности в различных позициях:
постоянные и нейтрализуемые
оппозиции**

Под функционированием фонологической системы мы понимаем допустимую для данного языка сочетаемость фонем, а также условия фонологической действенности отдельных оппозиций.

До сих пор мы говорили о фонемах, фонологических оппозициях, системах оппозиций, отвлекаясь от фактического распределения фонологических единиц при образовании слов и их форм. Между тем роль отдельных оппозиций в любом языке весьма различна и зависит от объема различительной силы, которой они обладают во всех положениях. В датском языке *æ* и *e* возможны во всех мыслимых положениях: они образуют постоянную фонологическую оппозицию, члены которой являются самостоятельными фонемами. В русском языке *e* возможно лишь перед *j* и перед мягкими согласными; в противоположность этому *ε* встречается во всех других положениях; здесь, таким образом, *e* и *ε* являются взаимодополняющими звуками, и их следует рассматривать не как две самостоятельные фонемы, а как комбинаторные варианты одной фонемы. Но во французском языке *e* и *ε* как члены фонологической оппозиции возможны лишь в открытом исходе слова (*les — lait, allez — allait*); во всех прочих положениях наличие *e* или *ε* механически регулируется правилом: в закрытом слоге — *ε*, в открытом — *e*; следовательно, данные гласные надо определять как две фонемы лишь в открытом исходе слова, во всех остальных положениях их следует рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы. Это значит, что во французском языке фонологическое противоположение в известных положениях **нейтрализуется**. Такие оппозиции мы называем **нейтрализуемыми**, а положения, при которых возникает нейтрализация, мы называем

положениями или позициями нейтрализации; положения же, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, — положениями или позициями релевантности. <...>

Прежде всего необходимо четко ограничить рассматриваемое понятие. «Нейтрализоваться» могут не все виды фонологических оппозиций. В тех положениях, где способное к нейтрализации противоположение действительно нейтрализуется, специфические признаки членов такого противоположения теряют свою фонологическую значимость; в качестве действительных (релевантных) остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции (иными словами, основание для сравнения в данной оппозиции). В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем «архифонемы» этой оппозиции (под архифонемой мы понимаем совокупность смыслоразличительных признаков, общих для двух фонем). Из этого следует, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции. В самом деле, ведь только оппозиции такого рода имеют архифонемы, которые могут быть противопоставлены всем прочим фонологическим единицам данной системы, а такое противопоставление вообще является основным условием фонологического бытия. Когда одномерная оппозиция $d-t$ нейтрализуется в исходе слов немецкого языка, то член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен не звонким и не глухим, а «неносовым дентальным смычным вообще» и как таковой противостоит, с одной стороны, носовому дентальному n , а с другой стороны, неносовым лабиальным и гуттуральным смычным. В противоположность этому то обстоятельство, что t и d невозможны в начале слова перед l , а b и p в таком положении возможны, не ведет к нейтрализации оппозиций $d-b$ и $p-t$: в таком слове, как *Blatt* «лист», начальное b сохраняет все свои признаки: оно остается лабиальным звонким и не может рассматриваться как представитель архифонемы в оппозиции $d-b$, ибо фонологическим содержанием такой архифонемы мог бы быть только «звонкий вообще», а b в слове *Blatt* не воспринимается как таковой, поскольку g в слове *glatt* «гладкий» тоже является звонким. Следовательно, подлинная нейтрализация, благодаря которой один из членов оппозиции становится представителем архифонемы, возможна лишь при одномерных фонологических оппозициях. Но из этого отнюдь не следует, что все одномерные оппозиции способны нейтрализоваться на деле: почти в каждом языке имеются постоянные одномерные оппозиции. Если, однако, в языке есть нейтрализуемая оппозиция, она всегда одномерна.

Что выступает в качестве архифонемы в нейтрализуемой оппозиции? Здесь возможны четыре случая.

Первый случай. Представитель архифонемы не совпадает ни с одним из членов нейтрализуемой оппозиции.

а) Он реализуется в таком звуке, который, будучи фонетически родственным обоим членам оппозиции, тем не менее не совпадает ни с одним из них. В русском языке противоположение палатализованных лабиальных и непалатализованных нейтрализуется перед палатализованными дентальными; в позиции нейтрализации в этом случае выступает особый «полупалатализованный» лабиальный. В английском, где противоположение звонких слабых *b, d, g* и глухих сильных *p, t, k* нейтрализуется в положении после *s*, в этой позиции выступает особый глухой слабый. В некоторых баварско-австрийских диалектах, где противоположение сильных и слабых нейтрализуется в начале слова, в этой позиции выступает особый «полусильный» или «полуслабый». Число примеров подобного рода не трудно умножить. Во всех этих случаях архифонема представлена звуком, промежуточным между обоими членами оппозиции.

б) Несколько иначе обстоит дело там, где представитель архифонемы, помимо черт, общих с членами оппозиции, обнаруживает дополнительно специфические, ему одному свойственные черты. Последние являются результатом сближения с фонемой, рядом с которой имела место нейтрализация. Так, например, в пекинском диалекте китайского языка оппозиция *k—c* нейтрализуется перед *i* и перед *ü*, причем в качестве представителя архифонемы выступает палатальное *ç*; в языке ями (на острове Тобаго) мягкое *l*, перед *i* заменяет архифонему в оппозиции «дентальное *l* — какуминальное *l*». <...>

Во всех этих случаях (то есть и в случаях типа *a* и в случаях типа *б*) звук, который появляется в позиции нейтрализации, представляет собой своего рода комбинаторный вариант как первого, так и второго члена оппозиции. Хотя такие случаи замещения архифонемы звуком, который не совпадает полностью ни с одним из членов оппозиции, весьма часты, они встречаются все же реже, чем те случаи, когда звук, выступающий в позиции нейтрализации, оказывается более или менее сходным с определенным членом оппозиции в релевантной позиции.

Второй случай. Представитель архифонемы совпадает с одним из членов оппозиции, причем выбор представителя архифонемы обусловлен *извне*. Это возможно лишь в тех случаях, когда нейтрализация оппозиции зависит от соседства с какой-либо фонемой; член оппозиции, «сходный», «родственный» или полностью совпадающий с соседней фонемой, становится представителем архифонемы. Во многих языках, где противоположение звонких и глухих

(или напряженных и ненапряженных) шумных нейтрализуется перед шумными того же способа образования, перед звонкими (или ненапряженными) могут быть только звонкие шумные, а перед глухими (или напряженными) — только глухие. В русском языке, где противоположение палатализованных и непалатализованных согласных нейтрализуется перед непалатализованными ден-тальными, в этом положении могут быть только непалатализованные согласные. В таких случаях (а они относительно редки) выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен *чисто внешними обстоятельствами* (свойством позиции нейтрализации).

Третий случай. Выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен *изнутри*.

а) В этом случае в позиции нейтрализации появляется один из членов оппозиции, выбор которого не стоит в связи со свойствами позиции нейтрализации. Однако, поскольку один из членов оппозиции выступает в этом положении в качестве представителя соответствующей архифонемы, его специфические черты становятся несущественными, тогда как специфические черты его партнера по оппозиции полностью сохраняют свою фонологическую релевантность. Таким образом, первый член оппозиции оказывается «архифонемой + нуль», а второй, в противоположность первому, — «архифонемой + определенный признак». Иными словами, тот член оппозиции, который оказывается возможным в позиции нейтрализации, с точки зрения соответствующей фонологической системы является **немаркированным**, тогда как другой, противоположный ему член является **маркированным**. Само собой разумеется, что это может иметь место только в том случае, если нейтрализуемое противоположение логически привативно. Однако большинство нейтрализуемых оппозиций принадлежат к этому классу, являясь противоположениями немаркированного и маркированного членов; причем тот член оппозиции, который выступает в позиции нейтрализации, оказывается немаркированным.

б) Если, однако, нейтрализуемая оппозиция является не привативной, а градуальной (например, противоположение различных степеней подъема у гласных или различных степеней высоты тона), то в позиции нейтрализации всегда выступает «**внешний**», или «**крайний**», член оппозиции. В болгарском языке и в новогреческих диалектах, где противоположения *и—о* и *і—е* нейтрализуются в безударных слогах, максимально узкие (собственно, минимально широкие) *и* и *і* служат представителями соответствующей архифонемы. В русском языке, где противоположение *о—а* нейтрализуется в безударных слогах, максимально широкое (собственно,

минимально узкое) *a* представляет соответствующую архифонему в непосредственно предударном слоге. В ламба (один из языков банту в Северной Родезии), где противоположение низкого и среднего тона нейтрализуется в исходе слова, в позиции нейтрализации (то есть в последнем слоге) допускается лишь низкий тон. Можно привести немало примеров этого рода. Причина данного явления предельно ясна. Мы уже отмечали, что оппозиция может рассматриваться как градуальная только в том случае, когда в данной фонологической системе есть дополнительный элемент, который представляет собой еще одну ступень того же признака. При этом такая ступень всегда должна быть выше, чем ступень «среднего» члена оппозиции: *i* и *e* образуют градуальную оппозицию, поскольку в данной системе гласных есть еще один гласный, степень раствора которого больше, чем у *e*. Следовательно, «крайний» член градуальной оппозиции, как правило, имеет минимальную ступень соответствующего признака, тогда как «средний» член той же оппозиции превышает данный минимум и, таким образом, может быть представлен как «минимум + нечто еще от того же самого признака». А так как архифонема должна содержать только общее для обоих членов оппозиции, то она может быть представлена лишь «крайним» членом такой оппозиции. <...> Если нейтрализуемая оппозиция логически эквиполентна, то обусловленный внутренними причинами выбор представителя архифонемы оказывается невозможным. Однако следует заметить, что нейтрализация логически эквиполентных оппозиций вообще редкий случай.

Четвертый случай. Оба члена оппозиции замещают архифонему: один член — в одних позициях нейтрализации, другой — в других. Этот четвертый случай логически противоположен первому (где ни один из членов не является представителем архифонемы). В чистом виде рассматриваемый случай наблюдается очень редко. Тогда он представляет собой простую комбинацию второго и третьего. Так, например, в японском языке противоположение смягченных (с окраской *i* или *j*) и несмягченных согласных нейтрализуется перед *e* и *i*, причем смягченные согласные замещают соответствующую архифонему перед *i*, а несмягченные — перед *e*: ясно, что здесь выбор представителя архифонемы обусловлен в одном случае (перед *i*) внешними обстоятельствами, в другом случае (перед *e*) — внутренними. Имеются, однако, случаи, где такая интерпретация оказывается невозможной. В немецком языке оппозиция *ss*—*sch* нейтрализуется перед согласными, причем *sch* является представителем архифонемы в начале корня, а *ss* — в середине и исходе его. О том, что выбор представителя архифонемы обусловлен извне, не может быть и речи; тем более не может быть речи о внутренней обуслов-

ленности, поскольку оппозиция здесь эквиполентна. В других случаях различные позиции нейтрализации с фонологической точки зрения не являются вполне равнозначными, почему и оба представителя архифонемы не могут рассматриваться как равнозначные. Так, например, в немецком языке противоположение «глухого *ss*» и «звонкого *s*» нейтрализуется как в начале корня, так и в исходе морфемы, причем в качестве представителя архифонемы выступают в начале корня «звонкое *s*», в исходе — «глухое *ss*». Но исход слова в немецком представляет собой позицию минимального различия фонем: в этом положении нейтрализуются оппозиции *p—b*, *k—g*, *t—d*, *ss—s*, *f—w*, а равным образом и количественные противоположения гласных. Из 39 фонем немецкого языка здесь возможно всего лишь 18, тогда как в начале слова их 36 (*a, ah, äh, au, b, ch, d, e, eh, ei, eu, f, g, h, i (j), ih, k, l, m, n, o, ö, oh, oh, p, pf, r, s, sch, t, u, ü, üh, uh, w, z*). Ясно, что при таких обстоятельствах представитель архифонемы в начале слова должен рассматриваться как «более подлинный». И поскольку в случае с «глухим *ss*» и «звонким *s*» речь идет о логически привативной оппозиции, то ее можно было бы рассматривать как фактически привативную, а «звонкое *s*» — как ее немаркированный член.

Следовательно, встречаются случаи, когда нейтрализация привативной оппозиции ясно и объективно показывает, какой член этой оппозиции является немаркированным, а какой — маркированным: в «третьем случае» немаркированный член нейтрализующей оппозиции служит единственным представителем архифонемы, а в «четвертом случае» — представителем архифонемы в положении максимального фонеморазличения.

Иногда нейтрализация оппозиции дает указания на маркированный характер члена другой оппозиции. В самом деле, часто оппозиция нейтрализуется в соседстве с маркированным членом родственной оппозиции. Например, в арчинском языке противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных нейтрализуется перед *o* и *u*; это указывает, что *o* и *u* являются маркированными членами оппозиций *o—e*, *u—i*.

Благодаря нейтрализации логически привативные оппозиции становятся фактически привативными, а различие между немаркированными и маркированными членами оппозиции получает объективную основу.